

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ РЕФЕРЕНДУМА КАК ПАРТИЦИПАТИВНОГО МЕХАНИЗМА ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается влияние социально-экономических, политических и иных факторов на электоральный выбор и формирование общественного мнения на референдумах. Институт референдумов рассматривается как передовой механизм современного государственного управления, который носит в себе основные характеристики партисипативности. Рассматривая референдумы в ключе трансформаций парадигмы современного публичного управления, важно изучать возможность влияния или каких-либо манипуляций с общественным мнением и как итог — общественным выбором. Материалы и методы исследования заключаются в изучении зарубежной и отечественной литературы в сфере проведения референдумов и влиянии стейкхолдеров на электоральный выбор в рамках исследуемых актов партисипативного государственного управления. В рамках исследования были рассмотрены конкретные референдумы, имевшие место быть в странах с развитой демократической практикой и имеющих институциональную схожесть с Российской Федерацией.*

***Ключевые слова:** актор, государственное управление, референдум, стейкхолдеры, управление, электоральный выбор, электорат.*

FACTORS OF INFLUENCE ON ELECTORAL CHOICE IN A REFERENDUM AS A PARTICIPATORY MECHANISM OF PUBLIC ADMINISTRATION

***Abstract.** This article discusses the impact of socio-economic, political and other factors on the electoral choice and the formation of public opinion in referenda. The Institute of Referendums is considered as the advanced mechanism of modern public administration, which carries the main characteristics of participativeness. Considering the referenda in terms of transformations of the paradigm of modern public administration, it is important to study the possibility of influence or any manipulations with public opinion and, as a result, public choice. Materials and methods they consist in the study of foreign and domestic literature in the field of referenda and the influence of stakeholders on the electoral choice in the framework of the investigated acts of participatory state administration. Results of*

research pacific referenda that took place in countries with developed democratic practices and having institution similarities with the Russian Federation were examined.

Keywords: actor, public administration, referendum, stakeholders, management, electoral choice, electorate.

К постановке проблемы

Референдум как одна из старейших форм непосредственной демократии представляет собой прямое участие граждан в обсуждении любого нормативно-правового акта или любых других «делах особой важности» так, что государство должно принимать во внимание мнения граждан перед принятием решения. Данный инструмент непосредственной демократии подразумевает сосуществование суверенных представительных органов (собраний) и процедуры прямого народного вмешательства в решение государственных вопросов [1].

Несмотря на большое количество положительных характеристик институтов прямого волеизъявления граждан, существует серьезная проблема в виде различных факторов, способных влиять на электоральный выбор и приводить к процессам манипулирования общественным мнением и, соответственно, принятию решений, не поддерживаемых большинством. Кроме этого мы сталкиваемся с практикой использования неэтичных и дискредитированных в глазах общественности инструментов управления общественным мнением, способных нанести непоправимый вред по уязвимым слоям населения и привести к их маргинализации, что в дальнейшем, во-первых, может отражаться на всей общественности и, во-вторых, стать очередной преградой на пути к становлению гражданского общества. Изучение факторов влияния на общественный выбор, их классификация и создание в будущем механизмов по их контролю либо предотвращению является на сегодняшний день одной из общественно и политически важных проблем. Референдум как средство представительной демократии способен стать желанным и необходимым дополнением к процессам принятия решений в условиях нынешнего кризиса доверия избирателей к политическим институтам и политическим партиям. По своим характеристикам референдумы могут быть отнесены к механизмам партисипативного управления; они являются составной частью современного публичного управления благодаря созданию практики со-управления [2; 3].

Целью данной статьи является анализ влияния внешних и внутренних факторов на общественный выбор на референдумах. Для ее достижения поставлен ряд задач: проанализировать зарубежный опыт проведения референдумов и выявить факторы, влияющие на выбор акторов; дать авторскую классификацию явлений, сказывающихся на выбор избирателей.

Объектом исследования выступает электоральный выбор граждан, а предметом — изучение факторов, влияющих на этот выбор на референдумах.

Методология исследования заключается в изучении зарубежной и отечественной литературы в сфере проведения референдумов и воздействии стейкхолдеров (заинтересованных сторон) на электоральный выбор в рамках исследуемых актов партисипативного государственного управления. Рассматриваются конкретные референдумы, имевшие место в странах с развитой демократической практикой, обладающих институциональную схожесть с Российской Федерацией.

Анализ зарубежного опыта

Институты прямых демократических процессов в виде референдумов создают почву для становления гражданского общества и развивают институт соучастия в государственном управлении. То есть индивиды наделяются полномочиями, сопоставимыми с полномочиями общественных институтов или государства. Тем самым создается практика, когда актер встает в один ряд с государством или институтами гражданского общества, что объясняется антропосоциетальностью (сочетанием трех неразрывных компонентов — взаимодействующих индивидов, культуры и социальности) современного общества [4; 5]. Частые избирательные процессы и высокий уровень электоральной активности повышают осведомленность, эффективность и уровень участия в политической жизни и даже общий уровень счастья граждан. Хотя известны исследования, доказывающие прямое влияние результатов референдума на «стресс меньшинства», который в свою очередь может привести к негативным последствиям для психического здоровья населения. Существует мнение, что особенно чувствительным отношением к институтам голосования и референдумов отличаются маргинализованные группы населения и разного рода меньшинства. Процент самостигматизированного населения в данном случае уменьшается в зависимости от уровня развития социальной структуры государства и уровня оказываемой информационной и психологической помощи [6; 7; 8; 9].

Считается, что иногда правительства используют свой контроль над референдумами, чтобы не высказываться по сложным вопросам. Но практика показывает, что попытки подобного контроля чаще терпят неудачи. Практикой использования референдумов в манипулятивных целях пользуются также политические партии. Примером может служить семь референдумов на национальном уровне, организованных в посткоммунистической Румынии в период с 1991 по 2012 годы. Они в основном использовались в качестве избирательных стратегий в целях легитимации или для увеличения популярности инициаторов и их основных сторонников. В отдельных случаях референдумы были ориентированы на других конкурентов [10; 11; 12]. Поэтому важно наладить независимую и самостоятельную работу избирательной системы, которая сможет исключить политически негативное влияние или ввод в заблуждение населения.

В большинстве случаев избиратели голосуют на референдумах исходя из курса и интересов поддерживаемой ими партии, ставя на второй план собственное мнение. Данный вывод может подтвердить исследование, проведенное в 2012 году во Франции, где избирателям было предложено выбрать вариант системы голосования, который, по их мнению, больше подходит для государства. Результаты эксперимента говорят о том, что избиратели предпочитают системы голосования, более выгодные для поддерживаемого ими кандидата, партии или политической силы. Это может объяснить низкий уровень политических знаний у электората, — граждане попросту не знают, как голосовать по выдвинутому вопросу, и доверяют свой выбор компетентным, по их мнению, партиям, которых они поддерживают [13; 14; 15].

Хотя политические партии по-прежнему являются ключевыми участниками кампаний по проведению референдума, ряд факторов ослабляет их позиции. Неоднозначная реплика, внутреннее несогласие, избирательная нестабильность и ограниченное влияние на первичные источники информации граждан снижают влияние политических партий. Крупные центристские политические партии не обладают достаточными мобилизационными ресурсами для побуждения избирателей следовать рекомендациям партии, в то время как немногочисленные по составу, но идеологически сильные партии оказываются более успешными в идентификации своих избирателей с партийной политикой [16].

Прямая демократия позволяет гражданам контролировать волю своих избранных представителей. Тем не менее, хотя электорат имеет решающее право голоса на референдумах, политические партии находятся в привилегированном положении, так как они могут влиять на восприятие избирателями вопроса в бюллетене. Основными поставщиками информации в кампаниях референдумов являются политические партии, которые способны воздействовать на формирование электорального мнения или электоральной неопределенности, посредством механизмов влияния на составление формулировки вопроса, выносимого на референдум [17].

Стоит отметить наличие, во-первых, зависимости между социально-экономическими характеристиками и социальными ценностями голосующих и их выбором, во-вторых, особенностей большого количества голосующих из средних слоев населения страны. Сохраняется взаимосвязь между социально-экономическим статусом и участием в выборах, — самые богатые и самые бедные реже участвуют в электоральных процессах [18; 19].

Различные исследователи склонны по-разному толковать итоги референдумов. Так, одни исследователи Британского референдума 2016 года (Брексит) приводят ряд факторов, влияющих на выбор голосующих, — образование, возраст, иммиграция и этническое разнообразие [20], а по итогам анализа других моментов наибольшее влияние на выбор голосующих оказали познания на основе идентичности [21].

Исследователи Конституционного референдума 2016 года, состоявшегося в Италии, указывают на то, что выбор электората на голосовании можно объяснить как систематическим, так и эвристическим способами обработки информации. Согласие респондентов с содержанием реформы (систематический режим) и положительная оценка кабинета Маттео Ренци (эвристический режим) сыграли наибольшую роль в процессе формирования выбора голосующих [22].

Положительная или негативная позиция публичных лиц, правительства, политиков и политических партий имеет большое влияние на выбор избирателей, так как они ориентируются на мнение авторитетов. Важно отметить, что здесь имеется в виду не позиция поддерживаемой избирателем политической силы по вопросу референдума, а мнение авторитетных лиц (с точки зрения избирателя) по тем или иным вопросам [23].

Образованная часть населения, разбирающаяся в политических, социально-экономических процессах и социетальных трансформациях, может руководствоваться затратами и выгодами альтернативных результатов голосования и общей ориентации на риск при выборе той или иной позиции, вынесенной на референдум. В электоральных процессах политическая система страны и ее институциональная обстановка имеют весомое значение для выбора населения. Следовательно, формирование общественного мнения сильно зависит от данных факторов. Население может более доверительно относиться к вопросам, с которыми оно сталкивается в повседневной деятельности и чувствует к ним институциональную близость. Исходя из этого и формируются движения «да» или движения «нет» [24; 25].

В эпоху информации весомое воздействие на выбор электората и даже на выставляемые на референдум вопросы оказывают средства массовой информации [26]. Так же значимо и влияние социальных сетей на формирование общественного мнения относительно того или иного вопроса, так как в актуальной действительности население уделяет все больше внимания виртуальному общению и чаще сталкивается с контентом, преподносимым на площадках данного рода.

В последние годы сайты социальных сетей стали одним из важнейших медийных каналов для предвыборных кампаний. Это создает обеспокоенность из-за низкого уровня государственного контроля над их информационным содержанием. Распространяя информативные и мобилизующие сообщения, эти сети могут способствовать негативному развитию социально-политических факторов, которые вызывают тревогу и отражаются на распространении дезинформации, разрыве информации и политической поляризации. Создается ситуация, где онлайн-рейтинги, «троллинг» и логика волатильности управляют общественным сознанием и манипулируют формированием общественного мнения. В современном мире репутационная война протекает не только между противоборствующими кандидатами, но и вопросами, предоставляемыми на общественное решение [27; 28; 29].

Несмотря на существующие отрицательные стороны использования социальных сетей в электоральных процессах, посредством онлайн-общения и сетевого контента увеличивается общая электоральная активность населения и политическое участие в целом. Данное обстоятельство особенным образом отражается на настроениях молодежи и является для нее стимулирующим фактором к политическому участию. Молодые люди более подвержены влиянию интернет-блогов в процессе формирования своего личного мнения относительно того или иного вопроса, что сказывается на их выборе при участии на референдумах и голосованиях [30; 31; 32].

В данном контексте особое влияние на общественный выбор приобретает использование государственного присутствия в Интернете. Использование электронных механизмов государственного управления может иметь серьезное воздействие на формирование общественного мнения. Как отдельную технологию, способную влиять на общественный выбор на референдуме, можно выделить институт онлайн-голосований и опросов по важным для общества вопросам с открытой публикацией результатов исследования. Практика опубликования результатов способна в дальнейшем сильно повлиять на участников выборов, зависящих от общественного мнения, и тем самым навредить выявлению реального общественного выбора и уровня социальной поддержки на референдуме. Практика онлайн-голосований по важным для общества вопросам показывает количество граждан, высказывающихся «за» тот или иной вопрос, его рассмотрение, решение, и людей, выступающих «против». Она демократична и демонстрирует мнение большинства [33], по крайней мере, активного большинства, которое ориентировано на участие в общественной жизни. Существует мнение, что подобная практика возникла вследствие кризиса представительной демократии, а плебисцитарные методы прямой демократии в большинстве своем служат в роли манипулятивных механизмов в руках правых политических организаций и растущего числа популистов [34]. Отчасти, это является правдой, но прибегать к тем или иным демократическим механизмам может любая политическая сила или любое движение. На данный момент эта технология зарекомендовала себя как действенный партисипативный механизм, выражающий прямое мнение большинства акторов и оказывающий воздействие на настроение колеблющихся и общественно зависимых граждан.

Онлайн-голосования и опросы по важным проблемам похожи по своим намерениям на референдумы и институты гражданского плебисцита. Тем самым они являются одним из испытанных партисипативных, демократических практик в современной интерпретации с широким использованием всевозможных информационных технологий. Практика подобного участия, как правило, предполагает вовлечение большего круга акторов и привлечение общественно малоактивных групп граждан (молодежи, лиц с ограниченными возможностями жизнедеятельности) к гражданскому присутствию благодаря внедрению более удобных форм участия. Примечательно, что

партисипативные технологии из групп онлайн-голосований референдумов и других процессов, отражающих прямой выбор, более предпочтительны для граждан [35] и пользуются большей популярностью, чем другие, более консультативные технологии.

В отличие от голосований, некоторые партисипативные технологии могут двояко отражать выбор акторов. На наш взгляд, самыми закрытыми технологиями изучения общественного мнения по линии электронной партисипативности являются социологические исследования. Эта логика прослеживается с момента формулировки вопросов до предоставления аргументации общественного выбора и составления отчетов по их итогам. Последние опросы доказывают гипотезу о влиянии руководства на данные исследования общественного мнения [36; 37; 38].

Некоторые исследователи отмечают падение доверия населения по отношению к социологическим исследованиям и предлагают запретить их публикацию с целью предотвращения манипуляций с гражданским сознанием [39].

Принимая во внимание эти моменты, можно сделать предположение о дискредитации подобных технологий в обществе. Их целесообразно было бы использовать для внутренних (закрытых) исследований деятельности органов власти, а от публичного обнародования их результатов воздержаться.

Еще одной возможностью косвенного влияния государства на общественный выбор можно назвать технологии закрытой (непубличной) обратной связи граждан с платформами электронного правительства (частное обсуждение личных вопросов, предложений, претензий и т.д.), которая дает государству возможность изучить вопросы, интересующие акторов, и возможные проблемы, возникающие в процессе их реализации. Здесь кроме обеспечения прямого влияния на граждан посредством предоставления авторитетного государственного мнения образуется возможность собирать и классифицировать важную информацию для дальнейшего выстраивания государственной политики с учетом предпочтений граждан. А это может дать некоторым стейкхолдерам преимущество при формулировке вопросов, выносимых на референдум, и получить общественное одобрение, манипулируя полученными данными.

Другой возможностью влияния государства на электоральный выбор является комплексный анализ пользовательской активности граждан (комментарии, лайки, посещения, обсуждения, опросы, онлайн-голосования, обратная связь и т.д.) на платформах электронного правительства. Сбор данных способен напрямую отражать общественный выбор и предоставлять возможности влияния на него. Этот механизм по сути предполагает сбор и анализ личной информации, — с этически-юридической точки зрения акторы должны быть предупреждены об этом, к тому же необходимо их согласие на обработку личных данных. Сбор и анализ информации, как правило, обходится без ручной обработки и вся их обработка происходит

посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что, в свою очередь, дает возможность оперативного воздействия на общественный выбор.

Исследования, посвященные значению средств массовой информации для акторов, привели к довольно противоречивым выводам: использование средств массовой информации уменьшает знания и вовлеченность, способствует политическому цинизму и снижению явки избирателей; и в то же время благоприятствует обучению, участию в политической жизни, доверию, эффективности и мобилизации.

Надо сказать, что в большинстве случаев подтверждается гипотеза двойного эффекта: регулярный просмотр телевизионных новостей на государственных каналах оказывает положительное влияние на познавательную способность, эффективность и явку, тогда как предпочтение коммерческих телевизионных новостей может иметь отрицательные последствия [40].

Анализ и классификация данных

Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает множество факторов, влияющих на электоральный выбор на референдумах. Данная информация способна представить нам общую картину факторов влияния и помочь разработать авторскую классификацию по наиболее ключевым на наш взгляд факторам.

Растущий уровень внедрения новых технологий и динамично развивающиеся реалии требуют своевременного ответа политических сил на предстоящие вызовы. Важно вовремя и правильно сформировать инструмент, который в дальнейшем окажет необходимое воздействие на электорат. Условно можно классифицировать факторы влияния на электоральный выбор по характеру сбора информации для их формирования: автоматизированные (ИКТ) и традиционные (фокус группы, эксперты, опросы и т.д.).

Политические силы имеют различный уровень общественного одобрения и поддержки. Формирование имиджа требует различную работу для различных организаций, исходя из их нужд и сложившихся реалий. Для граждан важно, кто представляет политическую идею. Исходя из этого они и принимают свое решение. Можно классифицировать факторы влияния по признаку представительства политического курса предлагаемого политической силой («лицо кампании») следующим образом: авторитетные политические деятели; публичные лица, не имеющие отношения к политике; политическая сила как общность.

Опыт показывает, что несмотря на высокий уровень влияния политических сил на принятие гражданами решения по тому или иному вопросу, более образованные акторы выбирают «свой путь», где они руководствуются личным опытом, мироощущениями либо иными факторами, способными повлиять на их выбор. Важной является классификация по признаку расстановки приоритетов актора, где выбор осуществляется, исходя из поддержки

одобряемой политической силы и в соответствии с мироощущениями и предпочтениями акторов.

Международный опыт показывает, что граждане очень чувствительны к политическим решениям и остро воспринимают попытки влияния на их выбор. Отталкиваясь от вышесказанного, можно ввести категоризацию по признаку общественного отношения к средствам влияния на выбор акторов: инструменты, дискредитированные общественностью; инструменты, принимаемые общественностью.

В дальнейшем акторы, которые чувствуют на себе влияние различных политических инструментов или последствия принятия решений под влиянием тех или иных факторов, испытывают «стресс меньшинства» и подвергаются стигматизации или самостигматизации. На этот случай классификация уровня влияния факторов управления общественным выбором на маргинализацию акторов может быть такой: нейтральные; маргинализирующие; демаргинализирующие.

Развитие современных технологий и переход в онлайн-плоскость многих общественно важных каналов коммуникации создали возможности для неэтичных способов влияния на общественный выбор, которые можно классифицировать по уровню публичности инструментов влияния на электоральный выбор: открытые инструменты влияния (митинги, дискуссии и т.д.); закрытые инструменты влияния (обработка личных данных, анализ пользовательской активности и т.д.).

Современные акторы нередко проявляют чувствительность и к социальным изменениям и критично относятся к их последствиям. Политические решения, принимаемые всенародно, но с минимальным учетом интересов меньшинств или вовсе без такового, приводят к маргинализации уязвимых социальных групп. Заметим, что граждане с течением времени и с развитием общественных институтов становятся политически более разборчивыми и склонными к принятию решения в соответствии с собственным опытом и своими интересами, хотя, как правило, преобладающее влияние политических сил в народных массах сохраняется.

Анализируя перечисленные факторы, влияющие на формирование общественного мнения и общественного выбора в электоральных процессах, можно сделать вывод о необходимости усиления работы государства в сфере контроля информации и создания формулировок вопросов, выносимых на народный плебисцит.

Развитие современных технологий и переход многих отношений в электронное пространство приводит к развитию непубличных (закрытых) инструментов влияния на электоральный выбор, что дает правительству или политическим силам дополнительные возможности для манипулирования общественным мнением. Они, в отличие от публичных инструментов, опасны с этической точки зрения и угрожают целостности права акторов на личную жизнь. Данные инструменты сложнее отследить, труднее призвать к

ответственности и политические силы, которые их используют. По нашему мнению, широкое развитие ИКТ и его активное внедрение в политические процессы требуют развития активной государственной политики в этой сфере. Существует необходимость разработки государственной стратегии защиты права граждан на личную информацию, которая всячески ставится под удар.

Политические силы активно используют социальные сети и различные интернет-ресурсы, которые контролируются гражданскими активистами, не имеющими полномочий на применения санкций за возможные нарушения; они могут лишь сообщать об этом в органы власти либо добиваться общественного резонанса. Ситуация может быть исправлена только в том случае, если государство займется активным мониторингом социальных сетей и интернет-ресурсов политического характера. Подобный мониторинг может проводиться на платформе ЦИК России с предоставлением ей соответствующих ресурсов и полномочий.

Нами же предлагается воспользоваться таким партисипативным средством, как публичные гражданские обсуждения, способные дать возможность различным социальным группам высказаться по интересующим их вопросам и вносить различные предложения, которые в дальнейшем могут быть приняты большинством. Такой инструмент способен снизить влияние политических сил на общественное мнение и дать гражданам возможность активно высказываться по интересующим их вопросам.

* * *

Население любой страны сильно подвержено влиянию множества внешних и внутренних факторов, которые могут привести нежелательным результатам на референдумах и, как итог, принятию решений, не отражающих выбор людей. Обычно подобные факторы являются следствием целенаправленных манипулятивных действий со стороны тех или иных стейкхолдеров.

Динамично развивающийся мир и непрерывные социетальные трансформации приводят к постоянному изменению инструментов воздействия на электоральный выбор. Исходя из этого, полагаем, что деятельность в сфере контроля политических сил должна вестись безостановочно и с учетом развития и появления негативных политических технологий, так как манипулятивные процессы напрямую влияют на развитие общества и государства, и в то же время акторы, уверенные в прозрачности политических процессов, более доверительно относятся к государству.

Список литературы

1. Dibra B. Referendum as a constitutional right of citizen participation in Albania // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 2. P. 73–78.
2. Toplak C. A complement or a threat to representative democracy // *Teorija in Praksa*. 2012. № 4. P. 733–752.

3. Мартынова С.Э. «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015. 346 с.
4. Потехин В.А. Развитие взаимодействия государства и гражданского общества как условие модернизации управленческой деятельности // *Власть*. 2010. № 8. С. 59–64.
5. Martynova S. Modern Russian society in the context of anthroposocietal approach // *Annals of Anthropological Practice*. 2018. №42. P. 19–28
6. Dyck J. Initiated distrust: Direct democracy and trust in government // *American Politics Research*. 2009. № 4. P. 539–568.
7. Frost D. Hostile and harmful: Structural stigma and minority stress explain increased anxiety among migrants living in the United Kingdom after the Brexit referendum // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2020. № 1. P. 75–81.
8. Flores A. Identifying psychological responses of stigmatized groups to referendums // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2018. № 15. P. 3816–3821.
9. Evans-Lacko S., Brohan E., Mojtabai R., Thornicroft G. Association between public views of mental illness and self-stigma among individuals with mental illness in 14 European countries // *Psychological Medicine*. 2012. № 8. P. 1741–1752.
10. Setälä M. On the problems of responsibility and accountability in referendums // *European Journal of Political Research*. 2006. № 4. P. 699–721.
11. Qvortrup M. Are referendums controlled and pro-hegemonic? // *Political Studies*. 2000. № 4. P. 821–826.
12. Gherghina S. Hijacked direct democracy: The instrumental use of referendums in Romania // *East European Politics and Societies*. 2019. № 3. P. 778–797.
13. Aimer, P., Miller R. Partisanship and principle: Voters and the New Zealand electoral referendum of 1993 // *European Journal of Political Research*. 2002. № 6. P. 795–809.
14. Blais A., Laslier J., Poinas F., Van Der Straeten K. Citizens preferences about voting rules: self-interest, ideology, and sincerity // *Public Choice*. 2015. № 3, 4. P. 423–442.
15. Hobolt S. Taking cues on Europe? Voter competence and party endorsements in referendums on European integration // *European Journal of Political Research*. 2007. № 2. P. 151–182.
16. De Vreese C. Political parties in dire straits?: Consequences of national referendums for political parties // *Party Politics*. 2006. № 5. P. 581–598.
17. Hobolt S. How parties affect vote choice in European integration referendums // *Party Politics*. 2006. № 5. P. 623–647.
18. Rimbau G., Stillman S., Boe-Gibson G. What determines preferences for an electoral system? Evidence from a binding referendum // *View at Publisher*. 2020. DOI: 10.1007/s11127-019-00770-9.
19. Fatke M. Participation and political equality in direct democracy: Educative effect or social bias // *Swiss Political Science Review*. 2015. № 1. P. 99–118.
20. Goodwin M., Heath O., The 2016 Referendum, Brexit and the Left Behind: An Aggregate-level Analysis of the Result // *Political Quarterly*. 2016. № 3. P. 323–332.

21. Swami V., Barron D., Weis L., Furnham A. To Brexit or not to Brexit: The roles of Islamophobia, conspiracist beliefs, and integrated threat in voting intentions for the United Kingdom European Union membership referendum // *British Journal of Psychology*. 2018. № 1. P. 156–179.
22. Negri F., Rebesi E. Was Mattarella worth the trouble? Explaining the failure of the 2016 Italian constitutional referendum // *Rivista Italiana di Scienza Politica*. 2018. № 2. P. 177–196.
23. Di Mauro D. Memoli V. Targeting the government in the referendum: The aborted 2016 Italian constitutional reform // *Rivista Italiana di Scienza Politica*. 2018. № 2. P. 133–154.
24. Clarke H., Kornberg A., Stewart M. Referendum Voting as Political Choice: The Case of Quebec // *British Journal of Political Science*. 2004. № 2. P. 345–355.
25. Neijens P., Van Praag P. The dynamics of opinion formation in local popular referendums: Why the dutch always say no // *International Journal of Public Opinion Research*. 2006. № 4. P. 445–462.
26. Bowler S., Donovan T. Do voters have a cue? Television advertisements as a source of information in citizen-initiated referendum campaigns // *European Journal of Political Research*. 2002. № 6. P. 777–793.
27. Lee H. Voters' involvement, attitude, and confidence in the era of new media // *Palgrave Communications*. 2020. № 1. P. 1. [Электронный ресурс] URL: https://ideas.repec.org/a/pal/palcom/v6y2020i1d10.1057_s41599-019-0368-9.html
28. Gil de Zúñiga H., Chen H. Digital Media and Politics: Effects of the Great Information and Communication Divides // *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. 2019. № 3. P. 365–373.
29. Rosamond E. From Reputation Capital to Reputation Warfare: Online Ratings, Trolling, and the Logic of Volatility // *Theory, Culture and Society*. 2020. № 2. P. 105–129.
30. Chan M., Chen H., Lee, F. Examining the roles of mobile and social media in political participation: A cross-national analysis of three Asian societies using a communication mediation approach // *New Media and Society*. 2017. № 12. P. 2003–2021.
31. Holt K., Shehata A., Strömbäck J., Ljungberg E. Age and the effects of news media attention and social media use on political interest and participation: Do social media function as leveller? // *European Journal of Communication*. 2013. № 1. P. 19–34.
32. Gil De Zúñiga, H., Puig-I-Abril, E., Rojas H. Weblogs, traditional sources online and political participation: An assessment of how the internet is changing the political environment // *New Media and Society*. 2009. № 4. P. 553–574.
33. Folkestad B., Klausen J., Saglie J., Seggaard S. When do consultative referendums improve democracy? Evidence from local referendums in Norway // *International Political Science Review*. 2019. DOI: 10.1177/0192512119881810
34. Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. № 3. P. 14–27.
35. Rojon S., Rijken A., Klandermans B. A Survey Experiment on Citizens' Preferences for 'Vote-Centric' vs. 'Talk-Centric' Democratic Innovations with Advisory vs. Binding Outcomes // *Politics and Governance*. 2019. № 2. P. 213–226.

36. SteelFisher G. Including the public perspective in health-related MCDA: ideas from the field of public opinion research and polling // Cost Effectiveness and Recourse Allocation. 2018. Т. 16. Article № 39. [Электронный ресурс] URL: <https://resourceallocation.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12962-018-0123>
37. Ganzer-Ripoll J., Criado N., Lopez-Sanchez M., Parsons S., Rodriguez-Aguilar J. Combining Social Choice Theory and Argumentation: Enabling Collective Decision Making // Group Decision and Negotiation. 2019. № 1. P. 127–173.
38. Li X. Research on the Time, Degree and Effect of Public Opinion Guidance // 2018 International Workshop on Advances in Social Sciences. 2019. DOI: 10.25236/iwass.2018.100
39. Yáñez, J. Reviewing the theory and practice of political surveys. What some masters taught us // Revista Espanola de Sociologia. 2017. № 3. P. 139–146.
40. Aarts K., Semetko H. The divided electorate: Media use and political involvement // Journal of Politics. 2003. № 3. P. 759–784.